

Раз ниточка, два иголочка

Тору Мотидзуки

Тору уже много лет жил один и привык справляться с бытовыми вопросами собственными силами. Худо-бедно учился готовить, знал все, что нужно одинокому мужчине о том, как навести нечто напоминающее порядок в помещении, где, как минимум, спишь, следил за своим внешним видом, чтобы не превратиться в помятое лесное чудище. А вот с шитьем у него как-то не складывалось. Видимо его руки больше подходили для оружия, а не для маленькой иголки. Но жизнь мало интересовало наличие у японца тех или иных способностей, а потому она постоянно заставляла Мотидзуки делать что-то непривычное и требующее максимальных моральных усилий.

Сегодняшнее теплое весеннее утро, не ставшее исключением из этого печального правила, Тору встретил на веранде с порванной кендоги в руках. Рукав куртки для занятия японскими боевыми искусствами изрядно пострадал на последней тренировке, вынуждая мужчину принять какие-нибудь меры по возвращению его в приличный вид. Если бы речь шла о любом другом предмете одежды, Тору бы не стал и тратить своего времени на латание здорового разрыва, но кендоги, приехавшую вместе с ним из Японии и пропутешествовавшую по всему Китаю, ему пока было жалко отправлять на свалку истории.

Расположившись на веранде и вытащив заранее добытую из закров иголку и катушку ниток подходящего цвета, Тору на время погрузился в печальные раздумья. Когда дело доходило до шитья, его ловкие пальцы резко переставали слушаться, словно в них вселялся какой-то злой дух. Обычно Мотидзуки старался не демонстрировать свой позор окружающим, стараясь подобными делами заниматься в своей комнате, но сегодня ему хотелось поднять не слишком хорошее настроение, насладившись первыми лучами утреннего солнца. В округе никого не наблюдалось, и Тору, потратив несколько минут на моральную подготовку к процессу шитья, оторвал длинную нитку и с печальным вздохом направил ее кончик в маленькое игольное ушко.

Яреци Фернандез

В это весеннее утро девушка пребывала в хорошем настроении. Только вчера она была в очередной раз в деревне и сделала себе там стрижку. Когда-то давно у неё была чёлка, и она решила вернуть её. Парикмахер долго настаивала на покраске волос, но девушка от этого отказалась, решив просто немного постричься и сделать чёлку. Как это ни странно, но чёлка ей подошла, и весь день она была в хорошем настроении.

Это утро тоже выдалось хорошим. Всё складывалось удачно, прошлые страхи отступали, а новые ещё не пришли, и она некоторое время жила беззаботно, стараясь по мере возможности не попадаться ему на глаза. Потому что она стала бояться этого чувства, она не могла понять, что это такое, но решила пока ни с кем не советоваться, да и вообще никому не говорить об этом. Вот уедет домой, и там разберётся, что к чему. Надо устранить причину проблемы, и тогда всё будет

хорошо. То есть уехать самой от этой проблемы. Ну а как ещё устранить? Вариантов-то больше нет.

Ноги сами привели её к корпусу мастеров, и она остановилась, заметив одинокую фигуру, сгорбившуюся над курткой. Присмотревшись получше, она узнала в этой фигуре мастера Мотидзуки и слегка вздрогнула. Чёрт, ну что же это такое-то. Пряма карма, ей богу. Почему она всегда натывается на него, когда больше всего на свете не хочет видеть именно его. Вздыхнув, девушка задумалась, что ей делать. Кажется, мужчина был погружён в свои мысли, а значит, не видел её, к тому же она стояла не прямо напротив него, а скрывалась за цветущим кустом. Можно уйти, можно понаблюдать за ним, но будет ли это правильным? Или пойти что-нибудь ляпнуть глупое?

Решив, что второй вариант будет правильнее (хотя раньше она не думала о себе, что такая камикадзе), она тихо направилась к нему. Остановилась почти что напротив него и, облокотившись о веранду, посмотрела, что он делает. Ага, кажется, он пытается зашить. Может, ему помочь?

- Доброе утро, мистер Мотидзуки, - вежливо поздоровалась она с ним. - А что вы делаете? Может я вам могу помочь?

У неё было настолько прекрасное настроение, что ей ничего не было страшно.

Тору Мотидзуки

Пока Тору совершал попытки зачихнуть нитку в иглочное ушко, он параллельно вспоминал известные ему проклятия и адресовал их тем, кто додумался сделать это ушко настолько маленьким. Все это действие напоминало ему извращенную пытку, к которой приговаривали в аду самых страшных грешников. И пусть японец никогда не отличался особой праведностью, ему казалось, что он все же не успел нагрешить настолько сильно, чтобы заслужить подобные муки.

Наконец справившись с этой нелегкой задачей, Тору перешел к следующей части — непосредственному шитью. Конечно, он знал основы подобной работы, но резать и рубить у него получалось намного лучше, чем латать дыры, так что, сделав пару кривых стежков, он остановился и начал смотреть на разорванную ткань, как на своего личного врага. Приходилось признать, что имелись вещи, в которых Мотидзуки, несмотря на создаваемый ореол безупречности, был не то что не силен, а слаб, как младенец.

От бросания на куртку злобных взглядов его отвлек знакомый голос, заставивший резко дернуться и, в первый момент, совершить мальчишеский поступок, заключающийся в попытке спрятать предмет своих трудов за спину. Опомившись, Тору быстро изменил выражение своего лица со смущенного на привычно непроницаемое и вернул кендоги на ее первоначальное место.

- Здравствуй, Ярецы. Спасибо за заботу, но у меня все в порядке. Я в состоянии справиться со своей небольшой проблемой самостоятельно.

Конечно, японец сильно лукавил, в разы преувеличивая имеющиеся способности.

Но он настолько не привык признаваться кому-то в своих слабостях, что предпочитал муки и страдания необходимости попросить чьей-то помощи, особенно, если речь шла об одной из учениц, в особенности о Ярецы.

Ярецы Фернандез

От того, как он выглядел, когда она застала его за шитьем порванной вещи, на ее лице отразилась искренняя улыбка, добрая и милая. Она хотела помочь человеку, но он, кажется, этого не хотел. Когда он снова поменял растерянность и смущение на свою привычную маску, она бросила взгляд на куртку. Кривые стежки, и она невольно закатила глаза. Смелости прибавилось, и она не знала, радоваться ей или нет. Чего можно от него ожидать? Но вроде никаких колюще-режущих предметов у него не было, кроме разве что иголки, а значит, он ее не прирежет. Это определенно радовало.

А вообще мужчины - они такие, что шить ровно не умеют. Она не встречала мальчиков, которые не только ровно и качественно зашивают, но и вообще правильно держат иглоу. Разнообразием не отличался и Паша, которому Яри зашивала то носки, то еще что-то. И папе она пришивала неоднократно пуговицу к куртке. Шить она умела, что-то могла бы сделать. Например, помочь ему, ведь он так смутился, как будто она застала его на месте преступления.

- Ну кто так шьет, мистер Мотидзуки, - с тоном знатока сказала девушка и покачала головой. - Даже патологоанатом зашивает трупы более аккуратно. Вам точно не нужна помощь?

Если бы у нее было не такое прекрасное настроение, то она бы, конечно, не стала бы такое говорить. Она бы вообще даже не подошла бы к нему, не то чтобы отвлекать или дерзить. А сейчас была эйфория - через каких-то несколько дней она увидит родителей. И погуляет по городу, который стал чуть ли не родным...

Тору Мотидзуки

Видимо девочку своей терпимостью, демонстрируемой при их последних встречах, он разбаловал окончательно, позволяя ей обращаться к нему как к несмышленому мальчишке. Первым порывом Тору было сказать какую-то резкость вроде «я шью столь же плохо, как ты машешь оружием», но, в последний момент, ему удалось сдержаться, вспомнив, что он вроде как взрослый солидный мужчина, которому претит вести себя, как обиженный ребенок. Но поскольку возникшее раздражение, пыталось найти хоть какой-то выход наружу, он все же позволил себе немного поворчать.

- Какие образованные ученики пошли, все-то знают про то, как патологоанатомы зашивают трупы.

Как бы Тору не пытался скрыть чувство неловкости за дурным настроением, у него это выходило из рук вон плохо. Он редко являлся посторонним в своем бытовом образе, а потому плохо представлял, как стоит вести себя в подобной ситуации. Не давать же чужому человеку на самом деле зашивать свою куртку? Японец, воспитанный на различного рода традициях, всегда считал, что нечто подобное носит некий оттенок интимности и допустимо, когда речь идет о членах семьи или

просто близких людях.

- Ты лучше не умничай, а скажи, что я делаю неправильно. – Признание и так очевидного отсутствия способностей у себя к шитью далось Мотидзуки нелегко. В идеале, конечно, было не только послушать, но и посмотреть, как накладывать швы правильно, но Тору скорее бы вырвал собственный язык, чем позволил себе просить Ярецы о чем-то подобном.

Яреци Фернандез

Его слова, сказанные в библиотеке про бытовые вопросы и отсутствие желания убить, снова вторглись в ее сознание, и она прищуренно посмотрела на его хмурое и суровое лицо, при этом не забывая сохранять улыбку. Мужчина был недоволен, это было заметно, и сейчас нужно постараться вести себя максимально осторожно, чтобы не вызвать у него никакой реакции и не отпугнуть своей навязчивостью и назойливостью.

Она вздохнула и задумалась над его предложением. Рассказать, что именно он делает неправильно. А как сказать? Что стежки надо делать вдоль краев дырки, а не зашивать ее поперек, как это делают патологоанатомы. Правда, как они это делают - она не знала, только смотрела фильмы. Впрочем, речь не об этом.

- Я не знаю, как объяснить словами, - она задумалась, глядя на него. Потом достала из кармана ветровки небольшой сделанный из хлопка шейный платок с рисунками достопримечательностей Мексики, и посмотрела на него. - Но я думаю, что могу вам на примере показать, как зашить вашу рану... ой, дырку на куртке.

Здесь она немного покраснела. Но отступить уже было некуда.

- Если вы, конечно, позволите, мистер Мотидзуки. Вы сможете мне его порвать? Желательно не до конца. И я вам покажу, это просто. - Она снова улыбнулась

Тору Мотидзуки

Тору поразила способность девушки сохранять на лице улыбку, несмотря на его ворчание и не слишком любезные слова, направленные в ее адрес. Складывалось впечатление, что внутри нее кто-то зажег лампочку и не стал гасить, забыв про то, что уже наступило утро. Вероятно, если бы кто-то сейчас увидел их со стороны, то поразился резкому контрасту: хмурый как недоглаженный котик мужчина и сверкающая, словно рождественское дерево, девушка.

- Зачем же портить хорошую вещь. – Предложение Ярецы пустить в расход шейный платок, лишь бы помочь ему обучиться нелегкому искусству шитья, весьма удивило японца и в очередной раз заставило почувствовать себя ничего не смыслящим в мотивах женского поведения дураком.

- Покажи уж тогда сразу на моей кендоги. – Тору указал девушке на место рядом с собой, и, дождавшись, пока та удобно расположится на веранде, осторожно протянул ей куртку, словно боясь, что обычный предмет одежды может превратиться в змею и кого-нибудь укусить.

- Тут немного рукав разодрался. – Мотидзуки поморщился от того, как глупо прозвучало его объяснение, особенно с учетом внушительных размеров разрыва, образовавшегося благодаря его неаккуратности на тренировке. Он все еще не был уверен, что поступал правильно, позволяя Ярецы практиковать прямо на его вещах, но что-то подсказывало, что она, подобно большинству знакомых ему европейцев, отличается завидным упрямством. А значит, стоило сразу согласиться с ее желанием нести добро, чем сначала долго трепать себе нервы, а, затем, все равно уступить.

Ярецы Фернандез

- Я бы не сказала, что это хорошая вещь, - улыбнулась девушка, пожав плечами и убирая платок обратно. - Я его купила ещё в Москве, на каком-то рынке, где продавались китайские товары. Точнее, барахло под видом китайских товаров.

Сейчас этого рынка уже не было, на его месте что-то построили или строят, но ностальгия по этим лабиринтам всё ещё хранилась где-то в памяти. Нельзя сказать, что Ярецы прям часто туда ездила, скорее наоборот, но вот в одну такую поездку и купила себе шейный платок. Вообще-то это была бандана, но девушка не любила носить банданы, и этот кусок тряпки стал ей платком, который хоть как-то защищает шею, если вдруг резко стало холодно, а шарфа под рукой не оказалось.

Мужчина предложил ей сразу показать на его куртке, и она сглотнула. Но отступить уже было некуда, хотя почему-то появились мысли, что их могут случайно увидеть вместе и подумать невесть что. И потом ведь не докажешь. Блин, и было бы проще, если бы она уже была совершеннолетней, а тут до совершеннолетия осталось полгода. Слишком много и слишком мало одновременно. Ох, ведь действительно подумают невесть что. Особенно если она будет сидеть совсем рядом с ним. Но она не будет. Появилось чувство страха, но не за себя, а вот за него... ведь что о нем будут говорить и как он на это отреагирует... Ведь даже её одноклассницы не сидели так близко с учителем английского и уж тем более не зашивали предмет его одежды.

Она взяла из его рук куртку и посмотрела на дырку. Она оказалась не очень хорошей, такие обычно получают, когда, например, зацепляются за что-то. И чтобы такое залатать нужно мастерство, которого, к сожалению у Ярецы не было в должном объёме, и усидчивость. Вот усидчивости хватало, она даже вспомнила, как училась каллиграфии на протяжении почти восьми часов. И ведь не было желания всё бросить. И тут не должно быть такое желание. Только вот зашить это самой, попытаться хотя бы, или же показать, а потом вернуть ему? Тогда хотя бы не будет лишних вопросов и слухов, если их увидят. Когда ученица сидит рядом с мастером, зашивающим свою куртку, можно подумать, например, о том, что он ей что-то рассказывает про то, что знает и умеет. Такой теоретический урок. Но другое дело - когда ученица зашивает куртку мастеру. тут уж только один вариант - она в него втюрилась. А она очень не хотела, чтобы кто-то об этом знал.

Она просунула левую руку раскрытой ладонью в рукав и, когда над ладонью оказалась дыра, осторожно стала зашивать.

- В таких дырках самое главное не перетягивать стежки, делать их ослабленными,

чтобы структура ткани по бокам не "морщилась", - сказала девушка, стянув нитки и показав на небольшой бугорок перед дыркой. Потом ослабила их и продолжила дальше шить. - Надо стараться, чтобы нити были как можно ближе друг к другу, и тогда, если всё сделать качественно, будет почти незаметно. Вот, а потом надо будет иголку продевать между нитями перпендикулярно в шахматном порядке.

Она вот сказала это и задумалась, а понял ли человек вообще хоть что-то. С объяснениями в этой области у неё было туго, ведь она только слушала учительницу и повторяла тогда за ней. Эх, давно это было, очень давно. Но таким способом она зашивала Паше носки, хотя после третьего она предложила либо быть аккуратнее, либо выкидывать рваные носки.

Тору Мотидзуки

Тору внимательно следил за действиями девушки. Как бы японец не любил скрывать отсутствие каких-либо способностей, желание учиться чему-то новому всегда брало верх и заставляло пробовать что-то снова и снова, пока результат не начинал удовлетворять Мотидзуки хотя бы частично. Но прежде чем пробовать самому, Тору всегда старался собрать максимум информации, способной ему помочь на пути достижения поставленной цели.

То, что делала Ярецы, не сильно отличалось от того, чем несколько минут назад занимался он сам. Разве что парой нюансов, которые Тору, за неимением лучших объяснений, посчитал своими главными ошибками, мешающими закончить «сражение» с рваным рукавом хотя бы вничью.

- Давай, теперь я сам попробую. Японец аккуратно забрал из рук девушки кендоги и швейные принадлежности и приступил к реализации полученных знаний на практике.

И первые же кривые стежки показали, что проблема заключалась вовсе не в отсутствии у него теоретических знаний, а в заточенных подо что-то совсем другие руки.

- Да что же такое! – Тору раздраженно откинул куртку в сторону. Собственная неспособность справиться с простейшей задачей да еще при наличии юной свидетельницы женского пола выводила из себя, мешая продемонстрировать привычное внешнее спокойствие. Стараясь как-то уговорить разбушевавшиеся эмоции, японец прикрыл глаза и подставил лицо лучам утреннего солнца. Тепло на коже и ощущение света на веках всегда действовало на него умиротворяющее, разглаживая образовавшиеся из-за раздражения морщины и заставляя губы складываться во что-то отдаленно напоминающее улыбку.

Ярецы Фернандес

Девушка недоуменно посмотрела на его реакцию, когда у него не получилось справиться с шитьем этой дыры. Она даже подумала, что как всегда сделала что-то неправильное. Но уже было поздно что-то менять. И теперь возникал вопрос, а что же делать теперь? Просто уйти? Это неправильно. Остаться здесь и попытаться что-то ему сказать, помочь, поддержать? Это неправильно, глупо. И к тому же такое ее поведение напросится на его грубость. А она не хотела, чтобы он грубил, ругался

и ворчал. Но как правильно будет поступить?

Так хотелось узнать что-нибудь о нем, послушать какую-нибудь его историю из жизни, ведь вряд ли его жизнь была скучна и однообразна. Но он не захочет ничего рассказывать. Да и выскажет ей все, что о ней думает. Она не хотела, чтобы он гневался, но что она для него может сделать?

Она сидела на лавочке и смотрела на его профиль. Суровые морщины, которые будто разглаживало ласковое утреннее солнце, некое подобие улыбки, когда уголки тонких губ немного поднимаются вверх. Он был самым совершенством, жаль только, что она не умеет рисовать портреты в профиль. Наверное, правильнее сказать "писать". Да и даже так она бы вряд ли написала его нормальный портрет. Уж слишком прекрасным был этот человек в ее понимании, а с портретной живописью она не была знакома. Отдаленно очень только.

Она мотнула головой, поймав себя на мысли, что слишком пристально любит этим человеком, и щеки налились смущенным румянцем. Но больше она не знала, что делать. Просто зашить его куртку и молчать?

- Мистер Мотидзуки, у вас что-то случилось? - она глубоко вздохнула. - Я могу вам чем-нибудь помочь?

Кажется, покраснели не только щеки, но и даже корни волос. И ушные раковины. Все, теперь точно он ее прогонит...

Тору Мотидзуки

Голос Ярецы вырвал Тору из медитативного состояния, заставляя вернуться в реальность. Но даже пары минут ему хватило, чтобы успокоиться и иметь возможность вести адекватный диалог, стараясь не проявлять бурных эмоций на тему своей неспособности совладать с ниткой и иглой.

- Да нет, у меня все нормально. — Японец открыл глаза и внимательно посмотрел на сидящую неподалеку от него девушку, явно пытающуюся найти какой-нибудь ключик к его непростому характеру. — Просто я криворук, и меня это весьма огорчает.

Придумывать какую-то причину, объясняющую его импульсивность, но при этом не соответствующую действительности, Тору считал недостойным занятием. А сохранение собственного достоинства он считал даже более значимым, чем возможность демонстрировать окружающим привычный образ спокойного и разбирающегося чуть ли не во всем на свете человека.

- Ладно, как-нибудь залатаю. — Тору кивнул в сторону кендоги. В конце концов, куплю какую-нибудь замену, в Китае ведь можно найти все, что угодно. Эта, конечно, была сделана в Японии, но на родину мне в ближайшие годы соваться не стоит.

Ненароком Мотидзуки упомянул трудности, возникшие у него из-за натянутых отношений с родными и откровенной травлей в профессиональных кругах благодаря обидам бывшего тестя, ставшего весьма влиятельным человеком. Видимо он уже настолько привык отвечать на личные вопросы, сыпавшиеся из Ярецы, как из рога

изобилия, что уже неосознанно начал говорить о чем-то действительно значимом, не дожидаясь ее «подачи».

Яреци Фернандез

- Вы не криворуки, мистер Мотидзуки, - тихо ответила девушка, стараясь не смотреть на него. Кажется, он не заметил ее пристального взгляда, каким она рассматривала его профиль. Сейчас это уже стиралось из памяти, к ее огорчению, и она не сможет уже запечатлеть именно этот момент. - Просто некоторые занятия созданы для других... ну, я вот не уверена, что у меня когда-нибудь получится так ловко обращаться с катаной или тессеном. Ну или драться... ну или еще что-нибудь такое...

"Что-нибудь такое" заключало очень много областей жизни и работы, что девушка, покопавшись в себе, даже и не поняла, что она умеет делать очень хорошо. Шить да убираться. Наверное, и рисовать тоже. И все. Ну, немного знает математику и физику. Этого ей было достаточно. Шить умеет - значит не пропадет.

Зачем латать "как-нибудь", если есть человек, который может попытаться сделать это хорошо. Разумеется, она не стала ему предлагать свою помощь, хоть очень и хотела, все-таки инстинкт самосохранения никто не отменял. Вдруг он действительно обидится?

Тем временем, пока она рассуждала, стоит ли ему предложить свою помощь в зашивании одежды, он продолжил говорить. Его голос обволакивал сознание и уносил куда-то далеко, сквозь время и пространство. Он говорил не очень хорошие вещи, видимо она все-таки затронула что-то личное. Она была уверена, что любая другая девчонка на ее месте ухватилась бы за эту тему, спрашивала бы что-то и "высказывала слова сожаления". Но Яри не была такой. Она не хотела быть посвященной в его личную жизнь и судьбу. Она просто хотела, чтобы ему было хорошо. Чтобы всем было хорошо. Ей не нравилась вся эта ситуация, и она думала, что можно сделать.

- Я скоро уезжаю. Через полторы недели, - сказала она, решив сменить тему разговора. Как всегда ляпнула и не подумала. А вдруг он хотел высказаться, а она своим поступком его остановила. Но ей не нужны чужие тайны. Хотя она думала, что если он продолжит говорить, она продолжит его слушать. И не прерывать. Иногда это лучше, чем что-то говорить в ответ...

Тору Мотидзуки

Девушка не стала цепляться за его слова и задавать лишних вопросов, за что Тору был ей весьма благодарен. Он не привык рассказывать другим о своих переживаниях или выдавать факты из биографии, не касающиеся его профессиональной деятельности. Конечно, как и любому человеку, ему иногда хотелось разделить с кем-то другим тревожащие мысли и чувства, но в подобные минуты японец начинал чувствовать себя уязвимым. А такое состояние пугало его даже больше, чем любая реальная опасность.

- Уезжаешь... — Тору настолько привык наткаться на Яреци в разных уголках монастыря, что даже представить не мог, как станет для него выглядеть Линь Ян Шо

после ее отъезда. – На время?

Японец чуть не добавил к своему вопросу слово «надеюсь», но в последний момент остановился и не стал показывать личную заинтересованность. Круг людей, с которыми он мог общаться не только на тему тренировок или каких-то хозяйственных вопросов был весьма узок, а Яреци благодаря своей юношеской непосредственности умудрилась если и не пробраться в него полностью, то уж точно пропихнуть туда руки и поставить одну ногу. Так что, подумав об исчезновении девушки, пусть даже и временном, из его жизни, Тору испытал что-то весьма напоминающее сожаление, чем немало удивил самого себя.

Яреци Фернандез

В его голосе проскользнула... грусть? Нет, это вряд ли. Вряд ли такой взрослый, спокойный и сдержанный человек мог привязаться к кому-то. Где-то, в каком-то психологическом детективе, она читала, что привязанность не очень хорошее чувство, которым болеют маленькие девчонки. А взрослым людям это чувство неподвластно. Это, возможно, всего лишь художественное произведение, и она даже как-то не задумывалась над этим.

- Да. Я решила поступить в институт. Я надеюсь, что вернусь... - она ответила и опустила глаза. Черт, почему же где-то в груди как будто что-то болит?

Она никогда раньше ни с кем не прощалась. Только с родителями и друзьями, но это несколько другое. Она знала, что когда-то вернется к ним. Поэтому хоть и скучала, но грусть была не такой сильной. А сейчас она не была уверена, что вернется в этот монастырь. А если не вернется, то и не увидит больше этого человека. Она вздохнула.

Тору Мотидзуки

- Институт – это хорошо, особенно если ты точно знаешь, чем хочешь заниматься в будущем. – Тору повидал немало студентов и тех, кто действительно понимал, зачем им нужно получаемое образование, к сожалению, было меньшинство. Хотя даже такой подход не гарантировал профессионального успеха и душевной гармонии, что Мотидзуки прекрасно демонстрировал собственным примером.

- Значит, ты не уверена, что хочешь вернуться? – Тору почувствовал, что произнесенные слова отдаются где-то глубоко внутри каким-то неприятным чувством и поежился, застигнутый врасплох своим чрезмерно эмоциональным отношением к отъезду обычной ученицы. Видимо с годами он стал намного сентиментальнее, чем был в том же возрасте, в котором сейчас находилась Ярецы и начал привязываться к людям, так или иначе оставившим след в его жизни.

Чтобы не выдать своего странного состояния, Тору снова ухватился за куртку и принялся внимательно разглядывать место разрыва, словно пристального взгляда было достаточно, чтобы починить разорванный рукав. Сегодня все явно шло наперекосяк, заставляя японца непроизвольно показывать те свои стороны, которые он обычно предпочитал скрывать. И сейчас он находился в легкой растерянности, не зная как вести себя в сложившейся ситуации, чтобы, с одной стороны, окончательно не потерять лицо, а с другой, не упустить что-то действительно важное.

Яреци Фернандез

- Я надеюсь, что правильно выбрала будущую профессию, - сказала девушка, вздохнув и посмотрев на него. Она хотела верить, что, обучившись данной профессии, она будет счастлива и спокойна. Но это будет понятно только после первой сессии. Почему именно первая сессия? Она не знала, но слышала, что после нее сразу человек начинает все понимать. Нужно ему это или нет.

Ей не нравилось, как выглядел мужчина. Он был скуп на слова, но какие-то эмоции проглядывались на его лице, и девушка не понимала, как себя вести с ним. Она в очередной раз хотела просто быть с ним рядом, просто встречать рассветы и закаты, рассказывать что-то, слушать его голос. И пусть не разговаривать о личном, но просто быть рядом.

Она боялась этого чувства, боялась, что оно исчезнет. Тогда ведь было совсем не так. Он был всего лишь ее одноклассником, они иногда гуляли, но чаще занимались. Тогда она могла кому-то рассказать об этом, но сейчас что делать? Если она кому-то это расскажет, то, если это будут ее сверстницы, они будут что-то советовать. Мама вообще будет в шоке, папа как всегда промолчит. Но кто может ей помочь?

- Я... хочу вернуться, - наконец ответила она. - Но... я... буду скучать. По всему, что здесь было.

По их разговорам. По нему. Лучше ему об этом не знать. Решив, что молчание может быть неловким, она настойчиво и немного грубо (так могло показаться) взяла из его рук куртку и продолжила зашивать.

Тору Мотидзуки

Очередное перемещение кендоги, теперь уже полностью по инициативе Ярецы, призванное заполнить возникшую паузу, Тору встретил как нечто неизбежное. Он не стал отбирать куртку обратно, поскольку подобное поведение превратило бы их и без того странное общение в возню двух детей, делящих одну лопатку. И если для Ярецы в силу ее возраста это было простительно, то от себя Мотидзуки требовал совсем иных проявлений. Хотя, как показывала практика, обычно он проигрывал в нелегкой битве против своей эмоциональности, совершая поступки о которых, успокаиваясь, начинал жалеть.

Наблюдая за тем, как Яреци старательно зашивает порванный рукав, Тору снова испытал некоторое смущение. До этого починкой его одежды, кроме него самого, занимались только бабушка, мать и бывшая жена, но уж никак не кто-то из учеников или студентов. Так что все происходящее казалось японцу не просто странным, а словно выворачивающим мир, вместе с ним самим наизнанку. Ту самую, с которой лучше зашивать, если что-то порвалось.

- Если будешь скучать, то всегда сможешь вернуться, здесь тебе будут рады. — Слова, произвольно сорвавшиеся с языка после долгой паузы, снова удивили Тору, на этот раз неприсущей ему обычно мягкостью. *Да что же с ним творилось за последний год? То он разрешил своей рыжеволосой партнерше по тренировкам*

называть себя по имени и применять по отношению к нему открытую манипуляцию. То сам вызвался на проведение группового занятия, хотя его никто об этом не просил. А вот теперь и вовсе начал переживать из-за отъезда ученицы... Воистину человек полон сюрпризов, даже если этот человек ты сам.

Яреци Фернандез

Она сосредоточенно зашивала дырку на куртке мастера, стараясь не отвлекаться, чтобы работа была выполнена качественно и в короткий срок. Для неё это было очень важно, ведь сейчас она сама взяла куртку, хотя, наверное, вообще не должна была ничего этого делать. И ей казалось, что если она сделает не так, как должна сделать, а немного хуже, то всё, он рассердится, накричит, прогонит. И больше уж точно не будет с ней разговаривать. Потому что не будет ей верить. Ведь она сказала, что может. А вдруг не сможет зашить именно так, как нужно? Ведь это неправильно.

Поэтому она не приняла во внимание его слова, даже не уловила интонацию, с которой они были произнесены. Хотя фраза отложилась в мозгу, а это означало, что рано или поздно она ответит на сообщение. Просто немного позже, чтобы не отвлекаться.

Она закончила первый ряд, ниточки располагались близко друг к другу, между ними почти не было зазоров, и это радовало. Закрепив нити, она оторвала от катушки ещё одну нитку и стала шить второй ряд. Это уже оказалось намного сложнее, так как ниток было много, они были тонкие, и через них в шахматном порядке, сильно прижимая друг к другу, надо было продевать иголку. Тут ещё надо стараться не порвать ниточки, а то придётся всё начинать сначала. Кропотливая работа, которая у неё должна получиться. Она должна это сделать, хотя бы чтобы... завоевать его уважение? Но это лишнее, к тому же вряд ли он будет уважать её. Уважают ведь за что-то значительное, да и не может она, мелкая девчонка, сделать что-то значительное для этого интересного человека с очень непростым характером. Зашить дырку? Вряд ли за это можно уважать. Но ей было главное, что этот человек хотя бы разговаривает с ней, не называет зазнайкой. Или не прогоняет. Хотелось бы ей узнать о его жизни? Разумеется, кому не хочется узнать о жизни человека, который нравится. Но она старалась не лезть к нему в душу. Она просто хотела помочь.

Дырка постепенно зашивалась, она вышла на "финишную прямую". Осталось так немного, но почему-то в душу проник страх. Так часто бывает, когда ждёшь чего-то, стараешься не волноваться, а в последнюю секунду непонятный страх просто разрывает душу. И не знаешь, что делать дальше. Она сглотнула и, моргнув, продолжила занятие.

- Вот, готово, - произнесла она, в голосе чувствовалась скрываемая радость, нельзя показывать свои эмоции, а то он подумает что-то не то. - Носите на здоровье. - Она протянула ему куртку. Зашитая дыра немного выделялась, но при беглом взгляде её можно было посчитать каким-то декором, например. Ну, она так считала...

- Я, наверное, после сессии вернусь, - сказала она тихо. - Зимой. - поспешила она уточнить. Ну а вдруг у них там, в Японии, немного по-другому всё. Может у них там

сессий нет. Или она одна на каждом курсе.

Тору Мотидзуки

Тору старался не вмешиваться в процесс работы, лишь время от времени бросая взгляд на ловкие пальцы девушки, способные подчинить себе столь загадочный предмет, как швейная иглолка. В какой-то момент он поймал себя на мысли, что этот процесс его завораживает и ему становится все труднее и труднее отводить глаза, чтобы не смущать девушку чрезмерным вниманием. После некоторой борьбы с самим собой он все же смог сконцентрироваться на разглядывании местных пейзажей, которые уже и так чуть ли не в мельчайших подробностях мог описать по памяти. Но, к счастью, его мукам скоро суждено было закончиться, поскольку Ярецы разобралась с рукавом кендоги и вернула куртку хозяину.

- Спасибо. – Тору не нашелся, что еще сказать и снова почувствовал себя неловким дураком, не способным связно выразить свои мысли по самому простому поводу. За сегодняшнее утро он уже умудрился побить все рекорды собственной странности и, похоже, до предела было еще далеко.

- Значит зимой... - японец начал подсчитывать, сколько месяцев осталось до возвращения еще даже не уехавшей девушки, но резко себя прервал. – Желаю тебе удачного поступления. Скоро у тебя начнется новая интересная жизнь, так что, может, ты еще нескоро вспомнишь о монастыре и его обитателях.

Тору снова направил взгляд куда-то вдаль. Странное чувство легкой, как весенней ветерок, грусти усилилось и стало больше похоже на ветреный осенний вечер. Но теперь его кендоги, стараниями Ярецы, снова была цела, и у него появлялась возможность как-то защититься от этого холодного пронизывающего ветра...

Ярецы Фернандез

Может, где-то в глубине души она желала, что он обнимет её, скажет что-нибудь более романтическое, нежели простое "спасибо", но это были всего лишь её мечты, которым не суждено сбыться и которые никому не будут известны. Она научилась скрывать своё сознание ото всех, постарается не только учиться в институте, получать знания, которые ей могут пригодиться, но и работать над собой. Чтобы ментальный щит, создание которого пока ещё требует внимания, концентрации, потери каких-то сил, стоял чуть ли не на автомате, как, например, у наставницы. Она помнила все занятия, которые здесь были, что-то она записывала в блокнотик (названия чакр, например), что-то отложила в памяти, и она должна тренироваться. В лесу, в транспорте, на прогулке, на лекции, при общении с однокурсниками. Вообще всегда и везде. И никогда не нарушать одно простое правило, уяснённое ещё давно, - никогда не влезать в чужое сознание. Это подло.

Но это "спасибо", простое, немного сухое, сейчас было самым дорогим подарком для неё. Она вздохнула и посмотрела на него. Ей показалось, что он стал слишком задумчив и... грустный? Ему не хотелось бы, чтобы она уезжала? Она слегка покраснела, когда поняла, что очень сильно хочет прочесть его мысли. Что он о ней думает? Что он хочет ей сказать? Но нет, если на так сделает, то это будет означать, что он перестанет с ней не только общаться, но и видеться. Вот вообще. Навсегда. Вычеркнет её из своей жизни. Ведь люди так поступают, и ему это будет

сделать проще, так как она уедет через три недели.

- Я думаю, что мне там понравится, ведь я никогда ещё не училась в институте, говорят, что это совсем другое, что-то прекрасное, - ответила она и встала со скамьи. - Что же, я пойду, спасибо вам за компанию, - она снова улыбнулась, пытаясь спрятать грусть за весёлым и беззаботным голосом. Он смотрел куда-то вдаль, и она, вздохнув, спустилась по лестнице и быстро скрылась за кустом, не позволяя себе оглядываться. Орфей вот оглянулся и потерял свою Эвридику. Навсегда. вдруг она тоже потеряет этого интересного человека с интересной судьбой и непростым характером?
